

МАРИ МАЛИНСКАЯ

СМОТРИ

На меня

Мари Малинская
(Маша Малиновская)

Смотри на меня

«Автор»

2026

Малинская (Маша Малиновская) М.

Смотри на меня / М. Малинская (Маша Малиновская) —
«Автор», 2026

- Ты сошёл с ума, Егор, я выхожу замуж. - Нет, не выходишь. Никто не смеет смотреть на тебя, трогать. Только я. - Кто дал тебе на это право? - пытаюсь высвободить запястье из его крепкого захвата. - Оно всегда у меня было. Они были лучшими друзьями, пока он не лишил её невинности. Всё изменилось, дружба сломалась, превратившись в пытку, пока он не исчез. Пропал на два года. Но что такое настоящий кошмар, она поняла, когда он вернулся...
Содержит нецензурную лексику

© Малинская (Маша
Малиновская) М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мари Малинская

Смотри на меня

Часть 1

Глава 1

Ворота распахнуты, за ними припаркованы уже несколько машин. Музыка шарашит на весь дачный массив, сразу понятно, где студенты успешно сданную сессию отмечают.

Мы с Егором выходим из его машины и направляемся ко входу, на крыльце которого уже толпится народ. Мороз, снега по щиколотку, но разве это помеха? Девушки в тонких коротких платьях, парни в футболках – какая там зима, когда сессия за плечами.

– Здорово, Верт!

– Привет!

Нас приветствуют. Парни протягивают руки, девушки смеются громче.

Ну как нас... Егора. Это он суперзвезда универа, а я просто Юля.

Юля Сладкова, если быть точной.

С Егором Вертинским мы выросли «на соседних горшках», как говорит моя мама, дружим с малых лет. Мне было три, а ему четыре, когда заселяли в пригороде новую коттеджную улицу. Наши дома стоят рядом, а окна комнат напротив.

Мы лучшие друзья, хотя мне не раз прилетало от его воздыхательниц. Потому что Вертинский тот ещё кобель. Ему смешно, а мне тёмную периодически устроить намеревались, пока не разобрались, что мы с ним как брат и сестра.

Егор кому-то кивает, кому-то лениво жмёт руки и проходит в дом, широко расправив плечи. Я забредаю следом, оборачиваюсь в поисках Лили и Наташки – своих подруг-одногруппниц.

– Давай, Конфета, не балуйся, – он обнимает меня локтем за шею, снова примяв волосы, целует в макушку и направляется к своим друзьям-сокурсникам.

А я иду к своим девчонкам. Они обе выглядят очень эффектно. Наташа – яркая блондинка с короткой стильной стрижкой и в джинсовом костюме, и Лилия – с огненно-рыжими волосами до самой поясицы, в коротком красном платье.

С девочками мы познакомились четыре месяца назад, когда пришли учиться на первый курс Политехнического университета, в общежитии в комнате нас тоже поселили вместе. Мне и до дома в пригород недалеко, но каждый день ездить на автобусе не хочется.

Вообще, дружить с девушками для меня в новинку. Нет, конечно, у меня были приятельницы, одноклассницы, с которыми я хорошо общалась, но лучших подруг как-то завести не получалось. Потому что всегда был Егор. А зачем мне подруга, если есть лучший друг?

– Ю-у-уль, – у Лили вспыхивают глаза, как только она меня видит. – Ну пожалуйста!

– Нет.

– Ну Юля! Мы же с тобой лучшие подруги.

– А с Егором мы лучшие друзья.

Лилия хватает меня за руку и смотрит щенячьими глазками.

– Ну тебе что, так сложно? Я ведь никогда ни о чём тебя не просила.

Ну да.

«Юль, кажется, у меня фен накрылся, дай свой».

«Слушай, твоя кожаная юбка отлично подойдёт к моей новой кофточке, можно я в клуб надену?»

«Мои духи слишком сладкие для первого свидания, можно твоими цветочными брызнуть?»

Мелочи, конечно, хоть и раздражающие иногда. Не жалко, просто не ко времени. Юбку я сама надеть хотела, фен в итоге сгорел в её руках, а пахнуть одинаково вдвоём такое себе.

Но всё это незначимо в сравнении с тем, о чём она просит сейчас.

– Он ведь сейчас свободен, наконец бросил ту дуру с экономического.

– Лиля, сегодня её, а завтра тебя.

– Просто представь нас друг другу, а дальше уже не твоя забота. Юлька, ну пожалуйста!

Лиля жалобно смотрит и складывает в молитве ладони, и я сдаюсь, пообещав подумать над этим.

Мы отправляемся к столику, где разливают пиво. Если честно, я его не очень люблю, больше сладкие слабоалкоголки, но пойдёт и пиво.

Сегодня тут далеко не все первокурсники, но многие, а также много ребят со второго и третьего. Деньгами скидывались все понемногу на карту организаторам, но алкоголя столько, будто кто-то ограбил ликёро-водочный завод.

В углу гостиной стоит стол с горками пластиковых стаканов, под ним жестяные бочки, а на разливе какой-то парень в кислотно-салатовой футболке, которая прикольно светится под ультрафиолетовой лампой.

Музыка долбит по перепонкам, яркие вспышки установленного в углу под потолком колорченжера выхватывают лица и тела присутствующих фрагментарно. Народу весело, шум стоит невообразимый. Хорошо, что это дачный массив, и в это время года соседи тут не живут.

Мы берём по стакану пива и отходим в сторону, наблюдая, как быстро разгоняется вечеринка. Большинство собралось вокруг нескольких парней с третьего курса, среди которых и Егор. Он, кстати, толпу сейчас и развлекает.

Существуют люди, которые обладают настолько мощным обаянием, что другие готовы им в рот заглядывать. Они ведут толпу, управляют ею, и даже если косячат, то им прощается. Мой друг из таких.

В данный момент он сидит на шее у какого-то своего приятеля и с высоты наливает шампанское в стаканы, которые держат внизу девушки. В чей больше попадёт, с той поцелуется, эта игра уже знакомая.

Лиля, глядя на эту картину стеклянными глазами, толкает меня в бок, напоминая. Ну ладно, дорогая, потом не плач.

Познакомить их получается значительно позже. Час проходит как минимум. Лиля успевает опрокинуть ещё два бокала для смелости, отчего её глаза блестят, а походка становится слегка нетвёрдой.

Я представляю их друг другу, но Егор лишь мажет взглядом по подруге. Однако она не сдаётся, решает остаться в кругу ребят, с кем он сейчас болтает, а мы с Наташей отходим ближе к выходу. Там больше свежего воздуха, потому что то и дело кто-то хлопает дверью на улицу.

– Девочки, отдыхаем? – к нам подходят двое парней и протягивают ещё алкоголь.

Наташка принимает, а я отказываюсь. Хватит пока, я вообще-то особо не пью. А если точно сказать, то в таких количествах только второй раз. Сегодня мне хочется расслабиться, но вечеринка ещё не окончена, так что спешить некуда.

Слово за слово, мы узнаём, что парни второкурсники. Болтовня ни о чём. То какие у нас красивые глаза, то что-то о тачках. Мы выходим подышать свежим воздухом, снова возвращаемся.

Тусовка уже достигает апогея. Пьяные студенты отрываются на всю катушку. Наташка осталась болтать на улице, а я ищу взглядом Лилю. В центре танцуют под ритмичный бит, Егора среди отрываются вижу, а вот Лилю нет. Надо бы её найти.

И я нахожу. В коридоре, примыкающем к гостиной, тоже почти темно, на одном диване сидит воркует парочка, а на другом, уткнувшись носом в колени, моя подруга.

– Лиль, – присаживаюсь рядом, трогая её за плечо, – я же тебе говорила, ну ты чего, а?

– Знаешь что, – выплёвывает она зло, подняв на меня заплаканные глаза, – да пошла ты!

Ты и твой придурок Вертинский.

– Лиль... – шепчу поражённо, – ну не стоит так из-за парня переживать.

– Переживать? – она всхлипывает. – Я как дура... а он... На колени меня в какой-то коморке поставил, а потом «Спасибо, крошка, ещё пересечёмся»!

Ого. Ну, Вертинский, зачем же так. Хотя он же уже не в первый раз так поступает с девушками. И они это знают. Тем более, я Лилю отговаривала и предупреждала. Он блядун и засранец, это не секрет. Почему каждая считает, что именно она станет для него особенной?

Я пытаюсь успокоить подругу, даже приобнять, но она откидывает волосы и, презрительно глянув на меня, повергает в шок:

– Отвали. Ты разве не поняла, почему я таскалась с тобой? Мне нужно было подобраться к Верту!

Я отшатываюсь. История повторяется. Меня снова используют как трамплин в своих попытках заполучить популярного парня.

Ничего не говорю. Разворачиваюсь и ухожу. Мне так обидно, что едва сдерживаю предательские слёзы. Интересно, а Наташа тоже с какой-то целью дружит со мной?

– Может, всё-таки пива? – на пути снова вырисовывается один из тех парней, опять предлагая стакан.

– А давай! – выхватываю и начинаю пить залпом.

Напиться – прекрасная идея. Никогда этого не хотелось, бесили люди, что думают, что так можно что-то решить. Но сейчас я их, кажется, понимаю. Алкоголь проблем не решает, а помогает абстрагироваться от них хотя бы на время.

За этим стаканом идёт ещё один. И парень этот уже не кажется таким неинтересным. Наоборот.

Спустя время, даже не определить какое, становится весело. В теле появляется лёгкость, хочется смеяться. Даже без причины. А потом лёгкость превращается в странную тяжесть. Кажется, будто даже веки открывать и закрывать тяжело. Мысли путаются, но я всё осознаю.

– Ты какая-то уставшая, малышка, – говорит парень, что предложил выпить. Как его там? То ли Вадик, то ли Владик. – Пойдём, отдохнёшь.

Он берёт меня под локоть и куда-то ведёт. Всё будто в тумане, но через него, хоть и слабо, всё же пробивается красный свет опасности.

– Нет, не хочу, – вытаскиваю руку, но она почему-то не вытаскивается.

– Да ладно тебе.

От толчка в бок я пошатываюсь, но не падаю, потому что меня и с другой стороны ловят под локти, а потом куда-то увлекают.

Мне плохо, ноги сами почти не идут, мне даже слюну сглатывать едва сил хватает. А она во рту копится и копится.

Тут светло, глазам больно. Ванная, кажется. Щёлкает щеколда изнутри. Я и двое парней. Как в жутком фильме, и даже оттолкнуть их нет сил.

– Давай, лапуля, иди сюда.

Эти твари ржут, говорят пошлости, пару раз толкают меня друг к другу. Хочется закричать, но даже беззвучно заплакать не получается. Язык распух во рту, став жутко неповоротливым. Мозг с треском, но работает, а вот тело словно на автопилоте.

А потом один хватает меня сзади и задирает кофту, сдёргивает чашки лифчика вниз, а другой фоткает на телефон. Лифчик возвращают на место, но руки не убирают.

– Пустите... – получается прохрипеть кое-как.

Туман затягивает сознание, и я пропускаю, в какой момент здесь появляется ещё кто-то.

– Вы совсем дебилы?

– А чё такого, Славик? Весело же. Мы ничего такого не делаем.

Ржут. Так противно и неприятно.

– Это соска Верта, если ты не в курсе, придурок. Он тебе за это яйца оторвёт, предупреждал же насчёт неё.

– Бля, я не знал!

– Ему будет насрать, знал ты или нет.

Они ссорятся, кричат друг на друга, а я совсем отъезжаю от реальности, сползая спиной по стене, к которой меня приставили. Кажется, кофта сбилась под подбородком, но одёрнуть её сил нет.

– Оставь её, спрячь в ванной за шторкой, пусть проспится. Она обдолбанная, утром всё равно ничего не вспомнит.

– А если вспомнит?

– Молись, чтобы это было не так.

Я остаюсь в тишине. В ванной, куда они меня запихнули, холодно и неудобно. У меня наконец получается тихо плакать. Мысли бродят как в глухом тёмном лесу. Голова неподъёмная. И не очнуться, и не провалиться в забытье.

Последнее у меня выходит только когда я спустя какое-то бесконечное время чувствую знакомый запах и тепло. Выдыхаю, уткнувшись носом в знакомое плечо, и проваливаюсь в темноту.

Глава 2

– Ты принёс нашатырь?

– Да, держи вот.

Резкий запах врывается в ноздри, заставляя встрепенуться как от пинка. Ну и вонь!

– Убери! – пытаюсь оттолкнуть, но руки не слушаются.

Круговерть перед глазами будто кто-то резко останавливает, и к горлу подкатывает тошнота.

– Её сейчас вырвет, Верт.

И да, меня выворачивает. Будто и правда наизнанку. Я не помню, чтобы у меня когда-нибудь так сильно сжимался желудок. Кажется, будто его сейчас вытолкнет наружу вслед за содержимым, а рёбра схлопнутся внутрь.

– Молодец, Конфета, давай ещё раз!

Чувствую, как больно стягивают волосы на затылке, вынуждая наклониться ещё раз. Я вообще не люблю, когда кто-то трогает мои волосы, но сейчас это уж точно не на первом месте.

После того, как меня рвёт второй раз, спазмы стихают, но появляется крупная дрожь, сотрясающая тело. Мне так холодно, что я даже челюсти разжать не могу.

Влажной рукой мне проводят по лицу, прикладывают к щекам снег, заставляя резко вдохнуть.

– Иди сюда.

На плечи ложится мягкая тяжёлая ткань, куртка, судя по всему. Она пахнет приятно и очень знакомо. Безопасно.

– Теперь пей.

Губ касается что-то горячее и приятно пахнущее. Я делаю глоток и, наконец, нахожу силы открыть глаза. Картинка с трудом, но складывается. Я уже в машине, на заднем сидении. С переднего, развернувшись, смотрит Семён Звягин – друг Егора, а сам Егор сидит рядом, обнимая меня, укутанную в его куртку. Смотрит сосредоточенно, напряжённо сведя тёмные брови.

Я в безопасности. Даже дышать становится легче. Дрожь немного отпускает, позволяя дышать свободнее, наконец расслабить сведенные в спазме плечи.

– Кто? – спрашивает он грозно, заметив мой осознанный взгляд.

– Не помню, – мотаю головой едва-едва, но даже от этого движения мир пошатывается.

– Верт, она вряд ли так накидалась сама, скорее всего дерьма подсыпали.

– Вижу, – отвечает хмуро.

Егор берёт меня за подбородок и поворачивает лицо к себе, смотрит встревоженно.

– Юль, что ты помнишь? Тебя не... не тронули?

– Всё как в тумане. – Не узнаю свой голос, настолько он сейчас севший и хриплый. – Но нет, не тронули, это помню. Но, кажется, сфоткали. – Мне так стыдно перед ним, хотя мы многим делились с детства, и я опускаю глаза. – Почти голую.

Вергинский злится. Хоть изображение ещё не совсем чёткое, но я замечаю, как у него на лбу жилка начинает пульсировать сильнее. Егор в бешенстве.

– Ей проспать надо, Егор, – говорит Семён. – Что-то по-любому вспомнит.

– Давай к нам в общагу, Звяга. Завтра будем разбираться.

Машина заводится и начинает ехать, а меня от вибрации снова мутит. Егор держит крепко, и я прижимаюсь к нему, утыкаюсь носом в грудь. Мне так тепло и уютно, чувство безопасности успокаивает, дыхание становится ровнее.

– Мне было так страшно, Егор, – позволяю себе пожаловаться.

– Я им задницу на нос натяну за это, Юль.

– Особенно, что они... ну... особенно что в первый раз.

– Не имеет значения, в первый это раз или нет, если это без твоего согласия, – отвечает тихо.

Семён за рулём, негромко играет музыка, и он нас не слышит. Мы с другом не впервые говорим на откровенные темы.

– Я ненавижу свою девственность.

– Глупости, Юля, в девственности нет ничего плохого.

– Мне было бы куда проще без неё.

И правда достало. Девочки обсуждают секс, рассказывают, как это классно, а я как белая ворона. Ну кто почти в девятнадцать сейчас ещё этим не занимается? Фрик Юля Сладкова. На шутки парней вечно краснею, и вот этот страх внутри.

– Конфета, не спеши, ты обязательно найдёшь того, кому это сможешь доверить.

И тут я говорю то, что в будущем повлечёт за собой жуткие последствия. Знала бы, что выдерну чеку из боевой гранаты, язык бы себе откусила.

– Я никому не доверяю. Только тебе. Сделай это, Егор, стань моим первым.

После этих слов наступает какой-то вакуум. Я понимаю, что сказала, и от этого становится не по себе. Но обратно забрать слова не хочется, ведь я и правда доверяю только ему.

Разве не с Вертинским я впервые ездила в город без родителей? Впервые села на двухколёсный велосипед. Впервые попробовала алкоголь. Он научил меня плавать и водить машину. Научил мухлевать в картах и как пронести смартфон на экзамены. Заставил научиться давать сдачи. С ним было нестрашно, я всегда могла рассчитывать на подстраховку. Почему бы и первый секс не доверить лучшему другу? Он не обидит, не высмеет потом, знает что делать.

Егор молчит, молчу и я. Может, он не услышал? Не разобрал моё бормотание?

– Спи, Конфета, – отвечает всё же, но голос звучит странно, – ты ещё не в себе.

Глава 3

Просыпаюсь от того, что у меня окоченели ноги. А вот спине очень тепло, и, продрав с трудом глаза, я понимаю почему, хоть и не сразу.

Комната в общежитии, окно, кажется, закрыто не полностью, на улице конец января. Одеяло сползло с ног, и даже то, что я в джинсах и носках, особо не спасает. А спине тепло потому, что сзади, обняв меня за талию, спит Вергинский.

Вообще-то, спать в обнимку нам не впервой. Пару раз было, что смотрели кино у меня или у него и задремали. Но не так, чтобы всю ночь, как сейчас.

Мне хочется в туалет и воды. Думаю, лёгкая дрожь не только из-за холода, а даже больше от похмелья.

Хочу аккуратно вылезти, стараясь не потревожить друга, но его рука вдруг напрягается на моей талии.

– Не ёрзай, – слышу негромкий голос, ещё хриловатый ото сна.

Затихаю и спустя пару секунд понимаю, почему он попросил об этом. Понимаю, потому что чувствую, как мне чуть ниже поясницы упирается что-то твёрдое.

У Егора эрекция, и ничего странного тут нет. Дело даже не в том, что мы лежим слишком тесно, просто, насколько мне известно, у всех здоровых парней она есть с утра.

Но смущает меня даже не это, а битый пазл вчерашних воспоминаний. Они заполняют голову, как вода улицы в наводнение.

Я поссорилась с Лилей и решила выпить.

Какие-то мудаки затащили меня в ванную, скрутили и сфоткали мою обнажённую грудь, а потом бросили в холодной ванной.

Не знаю как, но Егор нашёл меня, отогрел и привёл в чувство.

А потом... потом я попросила его переспать со мной.

Дерьмо.

И сейчас мы в постели, в его комнате в общежитии, а его член упирается мне в задницу.

Сердце тревожно замирает в груди, а сушь во рту становится сильнее, чем в пустыне. Мы же не...?

Ну нет. Не может быть. Он бы со мной так не поступил, даже если бы я его умоляла. Не в том состоянии, в котором я была.

Как мне вообще смотреть ему теперь в глаза?

– Мне надо в туалет.

А ещё мне надо всё же посмотреть ему в глаза, чтобы понять, как он вчера отнёсся к тому, что я лягнула. Не обиделся? Или, может, сердится?

Вергинский чуть отодвигается и поджимает ноги, позволяя выбраться из кровати. Вторая койка пуста, значит, Семён ночевал не в комнате, но одеяло, кажется, он забрал с собой.

Я опускаю ноги на пол, нащупываю мужские тапочки и встаю. Первым делом захлопываю плотнее окно. Стягиваю с вешалки Егорову спортивную мастерку и вылезая в коридор.

Время раннее, суббота, общага почти пустая. Мне бы очень не хотелось сейчас кого-нибудь встретить. Я, со следами похмелья и вчерашней туши под глазами, да в мужской секции. Такое себе.

Делаю свои дела и возвращаюсь обратно. Медлю у двери, всё ещё испытывая смущение и стыд за вчерашнее, но всё же вхожу.

Егор уже встал и делает зарядку. Он не пропускает её никогда, даже когда болеет или после весёленькой ночи. Включаю чайник и залезаю в углу на высокий барный стул, откуда-то тут взявшийся. Отрешённо наблюдаю за тем, как Вергинский отжимается. Следующим будет турник, потом пресс. Это я уже наизусть знаю, выучила, каждое утро наблюдая в окно за

небольшой площадкой рядом с нашими домами. Сколько Егор не пытался и меня склонить ко всем этим нормативам ГТО, ему не удалось. Спасибо, мне и так хорошо.

– И мне завари, – кивает на чайник, переводя дыхание между упражнениями. – Бутеры сделаешь? Там масло и сыр в холодильнике.

– Угу.

Пока он заканчивает, я достаю продукты и делаю нам лёгкий завтрак. На удивление, отмечаю, что мне дико хочется есть, хотя, по идее, должно быть наоборот – воротить от еды. Егор уходит умываться, а я переставляю чай и тарелку с бутербродами на столик и усаживаюсь с ногами на стул в ожидании.

Он возвращается с футболкой на плече, идёт к шкафу, чтобы надеть свежую, а я впервые отвожу глаза от его обнажённого тела. Я ведь раньше не раз видела его без футболки, но это никогда не вызывало смущения.

А всё вчерашняя глупость. Хочется извиниться за неё, но я даже мысль отметаю. Лучше сделаю вид, что не помню.

Он переодевается и присаживается на соседний стул, начинает есть свой бутерброд с аппетитом.

– Что? – спрашивает, толком не прожевав, когда замечает, как я пялюсь.

– Да ничего, – улыбаюсь. – Просто не понимаю, как ты можешь так отрываться, а потом с утра быть как огурчик. Я умираю от похмелья.

– Практика, – тоже улыбается Егор. – А вообще, Юль, тебя траванули, я уверен, – уже говорит серьёзно. – Расскажи, что помнишь. Я найду ублюдков и заставлю сожрать их собственное дерьмо.

И он это сделает, я уверена. Егор никогда не бросает слов на ветер. В лепёшку расшибётся, но, если сказал, – сделает.

Рассказываю, что помню. Что поссорилась с Лилей, как взяла пиво у какого-то парня, и уже спустя два стакана почти не чувствовала ног. Как затащили в ванную и ржали, как кони, как сфоткали, сдёрнув бельё. А потом пришёл третий и они ссорились, только не помню, почему. После меня оставили в холодной ванной, а потом уже помню, как была в машине с Вертинским.

– Всё как-то прерывисто. Помню, как ты дал мне понюхать нашатырь, а потом как пила чай.

Всё действительно туманно и фрагментами помнится, как в заезженном старом плёночном фильме. Только вот я всё же немного привираю, сделав вид, что не помню, как предложила другу заняться сексом.

– А как ты нашёл меня?

– Не я, Семён. Он пошёл в ванную, а там обнаружил тебя. Причём дверь была заперта на щеколду снаружи. Конфета, будешь баловаться – будешь дома сидеть.

– Конечно, папочка, – кривляюсь. – Если бы я не поссорилась с подругой, я бы не стала пить с тем парнем. Ты зачем её обидел?

Вертинский встаёт, вытирает губы салфеткой и убирает кружки под стенку. Парни есть парни. Зачем же мыть после чая?

– Ты про ту рыжую прилипалу?

– Она хорошая девочка.

Наблюдаю, как возвращается к своей кровати и начинает собирать вещи в дорожную сумку.

– Юля, хорошие девочки так не сосут.

Давлюсь конфетой, которую стащила из вазочки, решив, что Звягин не обеднеет, а Егор их всё равно не ест.

– Фу.

Я давным-давно привыкла к подобным высказываниям. Дружить с парнем – уметь не впадать в ступор от пошлятины.

– Тебе за вещами надо? – спрашивает, собравшись.

– Нет, я вчера всё домой отвезла.

– Тогда поехали.

– Поехали.

Выбрасываю фантик в мусорку и встаю, обуваюсь и тянусь за курткой, которая висит на вешалке. Вот не дал Бог росту, что поделывать.

– А это что за хрень?

Я вздрагиваю от неожиданности, когда Егор вдруг подходит и задирает до самого лифчика мою кофту, а потом касается пальцами кожи.

– Эй! – дёргаюсь в сторону.

Сама шокировано смотрю на свой бок. То-то мне было как-то дискомфортно, но я решила, что просто стукнулась. От ремня джинсов и до самого бюстгалтера сбоку живота виднеется тонкая запёкшаяся царапина. Довольно глубокая, учитывая, что кожа рядом с ней даже немного покраснела.

– Часы, – воспоминание приходит вспышкой. – У того, кто схватил меня, на руке были часы, но на браслете что-то острое.

Егор прищуривается, и его взгляд не сулит ничего хорошего. Я могу быть уверена, что тем утыркам с вечеринки не поздоровится.

По дороге домой я дремлю. Лучше не смотреть в окно, когда едешь в машине с Вертинским. Просить его сбавить скорость бесполезно. Лучше пристегнуться, помолиться или вовсе глаза закрыть. Но помолиться обязательно, и неважно, веришь в Бога или нет.

– Приехали, соня, – просыпаюсь от лёгкого тычка в плечо.

Вот вроде бы и не спала, всё слышала, а под конец таки вырубил.

– Я уснула? – пытаюсь проморгаться.

– Ага. Залила слюнями мне весь ремень безопасности.

Позорище. Хватаюсь ладонью за ремень, но он сухой. А Егор смеётся, и мне хочется его стукнуть.

– Я пошутил, Конфета. Топай, тётъ Оля заждалась уже, наверное, котлет нажарила. Имей в виду, я приду на ужин, так и передай.

– Хорошо, – улыбаюсь. – Звони.

Я выхожу из машины у своих ворот, а Егор проезжает чуть дальше к своему гаражу. Чувствую лёгкость, с облегчением отмечая, что всё, вроде бы, вернулось на круги своя. Я протрезвела, а Вертинский тактично пропустил мой пьяный бред мимо ушей.

Сегодня суббота, у мамы выходной, а отец ещё в рейсе. Он сопровождает какие-то серьёзные грузы на корабле, и дома бывает отсутствует по два-три месяца.

Едва вхожу домой, сразу ощущаю, как рот наполняется слюной от умопомрачительных запахов из кухни.

Моя мама любит готовить, для неё кухня – площадка для творчества и самореализации, она даже книгу собирается издать с рецептами и завела свой канал в соцсети. Егор часто к нам на завтрак или ужин захаживал раньше, да и сейчас не прочь. Его мама готовит нечасто. Она бизнес-леди и много работает.

Отца у него нет. Точнее есть, но с семьёй не живёт. Ушел, когда Егору было два. Он вроде даже какая-то большая шишка, но с сыном отношения не поддерживает, подарок на день рождения – максимум их взаимодействия. Поэтому его маме было несладко. Она вынуждена много работать, чтобы содержать достойно себя и сына.

Сам Вертинский тоже работает, ещё с десятого класса помогает в местной автомастерской. Дядя Саша, хозяин, говорит, что у Егора талант к этому делу, машины ему открывают свои секреты и слушаются, стоит только тому прикоснуться.

– Юля, я думала, ты будешь позже, – мама выходит из кухни, отирая руки о маленькое полотенце.

– А я раньше, – улыбаюсь и целую её.

Чувствую вину за то, что соврала насчёт сегодняшних занятий.

Вчера перед тусовкой я ещё успела съездить домой. Хотелось спокойно принять ванную, поболтать с мамой, бабушка приезжала. Родителям, правда, пришлось наврать, что в субботу нужно на тренировку, а у меня порвались кеды, нужно взять из дому другие. Врать некрасиво, конечно, но кто из нас не врёт? Если бы я сказала, что иду на студенческую тусу, мама с бабушкой легли бы в дверях, чтобы уберечь чадо от растления, алкоголя, ЗППП и прочих ужасов вечеринок. Так что, как говорится, и кони целы, и волки сыты.

Но лучше бы они меня вчера всё же не пустили.

Я мою руки и сразу сажусь за стол. Мама действительно наготовила кучу всего.

– Только пирог не успела, – сетует, – вынимая горячий из духовки и протыкая деревянной палочкой. – Не готов ещё, ждать придётся.

– Мам, ну я же не уезжаю через час. До понедельника всё попробую. Мне ко второй паре, Егору тоже, вот и поедем в понедельник, а не в воскресенье.

– Засранец гоняет как чёрт на своей машине, – мама неодобрительно поджимает губы. – Может, лучше всё-таки автобусом?

– Сама ему скажи, – пожимаю плечами, отправляя в рот вкуснейший домашнийпельмень. – Обещал зайти на котлеты.

Она-то скажет, а толку. Он мило сведёт брови домиком и скажет: «Ну тётё Оль!», и мама растает. Ещё раз предложит ему кусок пирога, перед которым Вертинский не устоит, а потом отгребёт от тренера за проваленное перед тренировкой взвешивание. Привычная картина.

Но на обед Егор сегодня к нам так и не приходит.

«Сорян, малая, – прилетает сообщение ближе к трём, – надо отъехать в мастерскую, просят меня, а потом по делам ещё. Тёте Оле привет и пусть припрячет для меня то, что так официально пахло даже нам во двор»

«Кубики заплывут от того, что так пахло» – отвечаю со смешком. Пирог у мамы и правда получился великолепный.

«Сгоним на площадке. Тебе бы тоже не помешало задницу подкачать, а то скоро джинсы треснут»

Вот пиздюк. Однажды я разревелась, что не влезаю в любимые джинсы. Это было в восьмом классе и вполне логично, потому что бёдра чуть раздались, я ведь росла, выросла. Начала морить себя диетами втайне от родителей. Похудела, конечно, немного, джинсы натянула. А когда гуляли, неудачно присела за упавшей заколкой, они и треснули. Прямо в том самом месте – на заднице.

Слава Богу, увидел это только Егор. Дал свою спортивную куртку прикрыть позор. А по дороге домой хорошенько пропесочил мозги. Сказал, что если узнает, что снова сижу на диетах, матери всё скажет и задницу надерёт. Но потом время от времени всё равно прикалывался по этому поводу.

«Главное, чтобы у тебя при виде баб не треснули»

Отправляю и закусываю губу. Блин, наверное не стоило пошлить. Вертинский тоже удивлён, по ходу, о чём свидетельствует смайлик с выпученными глазами, а потом ещё один в виде значка с перечёркнутым числом восемнадцать.

Организм после вчерашней гулянки всё ещё не в порядке, и я заваливаюсь в кровать. Достая с полки любимую книжку про мальчика-волшебника и погружаюсь в чтение. Сама не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Просьпаюсь уже около одиннадцати вечера. Ни туда, ни сюда. Хочется и пить, и спать дальше. Хорошо, взяла с собой стакан, и не придётся спускаться в кухню. Только встать всё равно надо, в домашних штанах и водолазке спать неудобно и жарко под одеялом. Надо переодеться в пижаму.

Стаскиваю одежду и достаю пижамные майку и шорты. Ещё не надев, подхожу к высокому зеркалу и рассматриваю царапину, что осталась от браслета часов того козла. Неприятные воспоминания снова вспыхивают в голове, заставляя ощутить тошноту.

Мотнув головой, натягиваю одежду. Хочется забыть вчерашнюю вечеринку как страшный сон. Уже дохожу до кровати и вдруг понимаю, почему в комнате так светло, хотя я только что и выключила торшер. С улицы падает свет фонаря, плюс всё заснежено, а окно не зашторено. Мама же говорила, что протирала его сегодня, а я пропустила мимо ушей, забыла задёрнуть занавески и опустить жалюзи.

Но, собственно, окно моей спальни выходит так, что на улице ничего не видно, потому что смотрит в торец соседского дома. Это тоже не лучший вариант, потому что как раз напротив, буквально в нескольких метрах, спальня Егора.

Но его окно, к счастью, сейчас тёмное. Ещё не вернулся.

Глава 4

Егор

Загоняю машину в гараж и открываю окна. Пусть проветрится, а то у Конфеты духи такие пахучие, что запах долго держится. Они клёвые, но другие тёлки их сразу чуют и бузят. Проходили уже.

Матери дома нет. На столе записка, что будет поздно, а также просьба отвезти Айку в ветклинику на плановую прививку.

Двадцать первый век, а мама всё записки пишет, будто мессенджеров не существует. Интересно, она и на работе секретаршу по сотрудникам посылает, вместо того, чтобы кинуть объявление в группу в мессенджере?

Айка выходит из гостиной, приветливо виляя хвостом.

– Привет, шерстяная, – треплю собаку за холку, – как дела?

Она тихо скулит и поднимает морду, а потом лижет мне щёку.

– Фу, коза, псиной же воняешь!

Уговорить мать отправить немецкую овчарку на улицу в вольер оказалось бесполезным делом. Её «малышка» там будет страдать, пусть живёт в доме. Эта слониха мне теперь за такое предложение мстит. Сожрала перчатки прямо перед соревнованиями, попортила защитные наклейки на ноги. Принцесса, блин.

Ветеринарка до четырех, ещё куча времени. Можно срубиться в приставку, заглянуть к тётке Оле на обед. На этих выходных ни работы, ни тренировок. Надо отдохнуть, а то потом же начнётся без продыху.

Я делаю отопительный котёл чуть тише. Жарко дома. Мать почему-то считает, что его к моему приезду надо выводить на максималки, типа я в общаге намерзся. А то, что и там окна открывать приходится, потому что жара, топят батареи как в последний раз, мамка не верит.

Хотя, Звяга вон мёрзнет. Закрывает форточки по ночам. Бабуля, с которой вырос, изнежила, теперь сквозняков боится. Дунешь на него – и губы херней заразной обсыпет, девок потом в клубе отпугивает от всей компании.

Поднимаюсь к себе, разбираю сумку из общаги. Грязные шмотки в корзину, мать потом запустит на нужный режим. Конспекты на стол, надо просмотреть до понедельника. Сессию сдал не очень гладко, но, слава Богу, закрыл. Ну его на фиг, лучше больше не тупить.

Валюсь на кровать и достаю телефон. Фотки со вчерашней трусы прикольные, надо бы парочку выложить. Особенно вот эта, где Звяга с Артёмом. Надо ж было так залезть на те шкафы. Придурки.

Фоток много. Пролистываю, попутно поглядывая, на ком есть часы, а кого можно отместить сразу.

Муфлонов, что Юльку обидели, найду. Какой бы отрывной ни была туса, уроды, не способные склеить тёлку, кроме как всяким дерьмом, всегда становятся известны в определённых кругах. Если знать, у кого поинтересоваться.

Нельзя оставлять безнаказанными тех, кто по беспределу обидел кореша. А Конфета – кореш.

Мозги у неё так от стресса и бухла вчера съехали, что глупость сморозила. Я знатно прифигел, когда она попросила стать её первым.

Не то чтобы Юлька не была привлекательной. Напротив. Мне кажется, она сама не догоняет, насколько сексуальная. Но и хорошо это, пусть бы подольше не понимала. Успеет ещё.

Ещё с раннего пубертата, с первых пятен на простыне и первой просмотренной порнухи я поставил стену. Юлька – кореш. Просто с сиськами. Классными такими. Я аж выдохнул, когда она стала чаще носить футболки оверсайз.

Но вчера она своей просьбой ткнула таким огромным тараном в мою стену. Не надо так, Конфета.

Видел, что утром всё вспомнила. Губы кусала и глаза отводила. Стыдно было ей.

Замяли, короче. Ну его от греха подальше.

Звонит телефон, выдёргивая из раздумий. Дядь Саня из автомастерской.

– Привет, Егор, ты ещё в городе?

– Не, дядь Саш, дома.

– Тут ляльку одну привезли. Тимоха не отстреливает, что с ней делать, а мне некогда, дочку надо отвезти в город. Глянешь?

– Через час буду.

– Спасибо, сынок!

Дядя Саша – классный мужик. Он мамкин какой-то через десять колен родственник, но лично я думаю, что ложь это. Любовниками они были, не иначе, теперь просто по верхам приятельствуют.

Мы как-то с пацанами, ещё лет в пятнадцать, стащили у матери ключи от гаража и взяли старую шестёрку. Новую машину не посмел я, конечно, а вот на старой захотелось прокатиться. Ну и раздолбали её, вжарившись в столб на обочине. Лбы поразбивали, но не сильно, а вот машину помяли. Мать, конечно, испугалась, но звиздюлей навешала, потом машину в ремонт отогнали к дяде Саше. А тот воспитывать взялся, сказал, что раз я разбил, то и чинить сам буду. Он научит.

Ну и научил чему смог. А мне так понравилось, что я и напросился к нему наблюдать. Подсматривал ролики тематические в интернете, журналы с обзорами покупал. Короче, нравится мне это дело. Интересно.

Мать всё в медицинский толкала поступать. Говорит, какая разница в чьих внутренностях копать. Что машина, что человек. Но мне это совсем не интересно оказалось. Лучше уж финансы и кредит.

Отписываюсь Юльке, что с обедом не получится. А жаль, тётя Оля готовит охрененно. Мелкая коза ещё и пошлую шуточку решает отпустить о том, почему я решил пропустить обед у них дома, чем удивляет меня.

Отвожу Айку к ветеринару на прививку, а потом приезжаю в автомастерскую. Тимоха мило беседует с какой-то тёлкой. Хорошенькая, задница круглая торчком.

– Мне сказали, вы разбираетесь в таких машинах, – она улыбается на моё приветствие. – Я Оксана.

– Егор. Можно и на ты, – возвращаю улыбку, улавливая обиженное недовольство от Тимохи. – Сейчас посмотрим вашу красотку.

Аккуратная машинка кукольно-малинового цвета. У этой марки часто с ходовой проблема, особенно на автомате. Заводим с Тимуром машину на яму и спускаемся вниз.

– Долго ждать? – нетерпеливо спрашивает эта Оксана.

– Минут сорок, – отвечаю, и она решает пока сходить в соседний магазин.

– Вот скажи, как так, Егор, я тут её клеил час почти, пока тебя ждали, а ты пришёл и всё, баба поплыла.

– Не с того края клеил, значит. – Пытаюсь открутить прикипевший болт, чтобы добраться куда надо. – У тебя был целый час, Тимоха.

– Они на тебя как мухи на дерь...

Договорить у него не получается, потому что его сгибает пополам от тычка.

– Ладно-ладно, – хрипит, – как пчёлы на мёд.

– Так-то лучше.

Заканчиваем через полчаса и ждём хозяйку. Хочется жрать, я же так и не успел дома. Утром как с Юлькой по бутеру съели, так ничего во рту больше и не было.

– Ставь чайник, Тимоха, я из-за твоей рукожопости не успел пообедать. К тётке Оле соби-
рался на котлеты, а ещё от них вкусно пахло выпечкой.

– Тётя Оля всё подкармливает тебя в ожидании.

– В ожидании чего? – Откусываю от яблока, пока древний агрегат вскипятит воду.

– Что ты окучишь её Юльку.

– Придурак ты, Тимоха. Мы с Конфетой – друзья.

– Тогда почему мне не разрешаешь? Ты же знаешь...

– Яйца оторву.

Прерываю его шарманку, которую заводит уже не в первый раз, потому что возвращается клиентка. Оксана улыбается, радостно глядя на свою починенную тачку, оплачивает счёт и в благодарность предлагает меня подвезти. Я, конечно же, соглашаюсь.

– Ты же на своей, – бубнит Тимоха, в очередной раз оставшись с птицей «обломинго».

– Она сломалась.

И я, и хозяйка малиновой тачки знаем, что это ложь. Ну и ладно.

* * *

Домой я попадаю часа через два. Терпеть не могу трахаться в машине. Неудобно. Особенно в такой микроскопической как у Оксаны. Особенно с таким бревном как эта Оксана.

Мама уже приехала. Особо долго мы не болтаем, она не из любительниц переливать из пустого в порожнее. Ужинаем привезённой ею китайской едой в коробках и расходимся каждый к себе.

Я принимаю душ, часа два зубрю право, которое сдал только благодаря симпотной лаборантке в обмен на обещание всё-всё и правда выучить, а потом выключаю свет и заваливаюсь на кровать, воткнув наушники.

В соцсети попадается прикольный мемасик про треснувшие джинсы, и я скриню, чтобы отослать Сладковой, но замечаю, что она уже давно не в сети. Отсыпается. Пусть, не буду тревожить.

Однако почти в тот же момент в её спальне напротив вспыхивает слабый свет.

Наверное, мне нужно было бы отвернуться. Не смотреть. Юлька же кореш.

Попросившая стать её первым, блять.

Сидя в темноте как долбаный дронер, я пялюсь, как Конфета стаскивает одежду и остаётся в одних трусах, подходит к зеркалу и разглядывает вчерашнюю царапину.

У неё охеренная грудь. Маленькая, высокая, с торчащими сосками. Я чувствую зуд в пальцах и движуху в штанах.

В мою стену снова с размаху всаживается таран, пуская паутину трещин.

Конфета переодевается и гасит свет. Наконец-то. Но это на сегодня не последний сюрприз.

Естественно, уснуть у меня не получается. С трудом заставляю себя не передёрнуть, представляя то, что недавно увидел в окне напротив. Часа два ещё втыкаю в какие-то приколы, тупые видосы из Тик-тока. И вот уже собираюсь спать, как вижу неп прочитанное от Сладковой. Пришло десять минут назад.

Открываю – и бомба рвётся. Таран на хер крушит многолетнюю стену.

Что же ты, Юлька, творишь?

Глава 5

Юля

Прospала половину дня и теперь ворочаюсь с боку на бок. Внутри першит какая-то неясная тревога. Дурное предчувствие, что ли. Всегда осуждала бабушку за эти «забубоны» типа чёрной кошки или пустого ведра, всяких там знаков, вещей снов и ощущений. Но сейчас у самой какое-то дрянное чувство внутри.

Наверное, просто организм не справился ещё до конца с той штукой, что, как считает Егор, мне вчера подсыпали прикурки в пиво. Иначе как объяснить ещё и то, что я вместо лиц помню размытые блины. Свой страх и беспомощность ощущались сильнее, чем физическое воздействие со стороны, и сейчас будто снова эти странные ощущения, хоть и в значительно меньшей степени, вернулись.

Снова хочется пить. Не включая свет, выбираюсь из постели и всё-таки спускаюсь на кухню. Беру с собой целую полуторалитровую бутылку газировки и возвращаюсь к себе.

Уснуть мне всё же удаётся, но это больше похоже на вчерашнее опьянение, чем на сон. Снова эти парни. Их цепкие, неприятные руки на моём теле, вызывающие отторжение и тошноту.

Просыпаюсь я, тяжело дыша, и с гулко колотящимся сердцем. На лбу выступает испарина и снова жутко хочется пить.

Выбираюсь из-под одеяла и распахиваю окно. Мороз не сильный, но есть. Меня тут же обдаёт ледяным воздухом. Так и заболеть можно, но иначе, мне кажется, я просто задохнусь.

Сон остался в темноте, но ощущения из него со мной. Я и раньше не особо контактировала с парнями в романтическом смысле, а теперь и желания никакого нет. Как-то сильно мной не интересовались. Точнее интересовались, конечно, но потом сливались. Кому нужна неопытная дурочка? На лбу я, естественно, об этом не писала, но парни это и так видят.

А мне тоже хочется нормальных отношений. Может даже влюбиться.

Но точно не сейчас, не после вчерашнего. Наверное, надо к психологу сходить. Или просто расстаться с этим дефектом уже и не заморачиваться. Может действительно легче станет, как девчонки говорят. Только как подпустить к себе кого-то, если мне страшно, особенно после случившегося?

Настойчивая мысль снова пульсирует в мозгу.

Ты знаешь, Юля, к кому обратиться.

Вчерашняя просьба уже не кажется такой глупой. Егор привлекательный, опытный, и он меня не обидит. Я знаю, что он тщательно следит за своим здоровьем и не наградит какой-нибудь заразой.

В кино часто бывает секс по дружбе, почему мы не можем? Один раз. А потом забудем и всё будет как раньше, а я не буду такой зажатой.

Не знаю, сколько времени я меряю шагами комнату в темноте, обхватив себя за плечи. Нервничаю. Уже и в бутылке воды почти не осталось.

Сажусь за стол и открываю ноут. Долго смотрю на значок соцсети, не решаясь войти. Но потом открываю. Вергинский в сети.

Откажет так откажет.

«Я должна была извиниться перед тобой за вчерашнюю глупость. Я всё помню. Я действительно хочу, чтобы это был ты, Егор. Не собираюсь становиться твоей сумасшедшей фанаткой, но только тебе могу доверить свой первый раз. Ты это сделаешь?»

Отсылаю и зависаю, считая секунды. Но он не читает. А я всё тупо пялюсь и пялюсь на экран, на этот раз уже на трезвую голову наполняясь ужасом от собственного предложения. Уже собираюсь его удалить, но тут появляется уведомление, что сообщение прочитано.

Я замираю в ожидании ответа. Но он не приходит, Вертинский просто пропадает из сети. Может, он спал и открыл во сне? И идея удалить всё ещё имеет актуальность?

Но я захлопываю крышку ноутбука и отправляюсь в кровать. Что ответит, то и ответит. Всё.

Уснуть удаётся на удивление быстро, и просыпаюсь я уже, когда меня будит мама около десяти утра, приглашая завтракать.

– Дочь, давай вставай. Там к нам Егор на завтрак пришёл, а то тебе ничего не достанется.

Продираю глаза и резко сажусь на постели, что аж голова немного кружится. Блин, ну он и резкий. Вот так взял и пришёл. А я ещё не готова к встрече после ночного сообщения.

Хотя, он и раньше так делал, это я веду себя как дура.

Иду в ванную, быстро обмываюсь и чищу зубы, собираю волосы повыше в скрученный пучок. Давно хотела подстричь их, слишком длинные и тяжёлые, иногда аж готова устаёт. Возвращаюсь к себе и переодеваюсь, а потом спускаюсь на кухню.

– Привет, – здороваюсь и присаживаюсь за стол напротив Егора, внимательно слежу за его реакцией.

Он как раз что-то рассказывает маме про последние соревнования, а она доделывает салат за другим столом, стоя вполоборота.

Вертинский мне кивает, не прерывая разговора. Вроде бы ведёт себя как обычно, но мимолётный взгляд какой-то слишком цепкий, что ли. Или это я уже надумала себе.

Мама приготовила розовый рис с подливой и куриные котлеты. Вкуснотища. И салат с маринованными грибами. Я точно стану толстой, если буду уплетать, как сегодня, её кулинарные шедевры. Раньше я как-то не переживала на этот счёт, ела и не поправлялась, но расти же перестала. Теперь расти будет только задница, так что надо поаккуратнее.

Как-то так получается, что весь завтрак Егор общается только с мамой. Ко мне не обращается. Это рождает некую неловкость, так что я тоже помалкиваю. Посмеиваюсь над шутками, поддакиваю обоим, но не иницирую прямого разговора, как и Вертинский. А когда периодически ловлю его внимательные взгляды, то как-то сковываюсь вся.

Раньше у него такое бывало, когда злился или сердился. Но достаточно было швырнуть полотенцем или как-то в шутку зацепить. Однако в этот раз я не решаюсь.

После завтрака Вертинский благодарит маму, кивает мне на прощание и уходит, так и оставив меня в непонятных ощущениях и смешанных чувствах.

Я возвращаюсь в комнату, открываю в смартфоне соцсеть и вижу непрочитанное сообщение от него.

Там только одно слово.

«Сделаю».

Глава 6

Реакция получается непроизвольная. Меня с головы до ног обдаёт жаром. До этого момента всё казалось каким-то ненастоящим, моими мыслями, а теперь вдруг обрело реальный контур.

Я должна обрадоваться, что он уступил мне, но вместо этого чувствую ту самую смутную тревогу.

Но я сама попросила. Это естественное волнение, так что всё в порядке.

Но ответить я смогла только «спасибо». Пусть сам скажет, когда и где это произойдёт. Быстрее бы только, чтобы уже скорее этот нервный мандраж остался позади.

Посвящаю день разным делам. Убираюсь в комнате, перебираю ящик с бельём в шкафу, наконец, выкинув свои столетние лифчики. Давно пора было избавиться от них, размер не подходит. Зачем храню?

Копаясь в косметичке. Тут тоже куча кандидатов на утилизацию. Например, сиреневая помада. Зачем я вообще её купила? Кто красит губы сиреневыми помадами?

А ещё я перебираю на письменном столе органайзер с ручками и точу все цветные карандаши.

Короче, делаю всё, чем только можно занять руки и мозги. И бесконечное количество раз заглядываю в ноут, проверяя, не пришло ли сообщение от Вертинского. Он в сети весь день с компа.

Первая я ничего не пишу. Для нас такая тишина в эфире странная и непривычная. Но я не решаюсь её прервать.

День подходит к концу, перетекая в серый зимний вечер. На улице сегодня тихо, мороз совсем небольшой – семь градусов. Днём шёл снег, и теперь всё стоит припорошенное. Красиво.

Я уже приняла душ и высушила волосы, переделась в пижаму.

Случайный взгляд в окно выхватывает, что у Вертинского в комнате темно. Уехал куда-то. Он сейчас с местными ребятами видится редко из-за того, что живёт в общежитии, но они стараются встречаться на выходных. Иногда мы ходим вместе. Но не сегодня, судя по всему. Да я и не хотела.

После уборки пытаюсь отыскать наушники, чтобы улечься и посмотреть фильм, но слышу звук сообщения. Ладони становятся влажными, когда вижу, что оно от Егора.

«Спускайся. Жду в машине»

Внутри снова всё опалает жаром. Он же не решил сделать это сегодня? Сейчас? Ни слова не сказав, не договорившись.

Но это Вертинский, он долго сопли на кулак наматывать не будет. Сказал – сделал. Только у меня поджилки вдруг начинают трястись. Трусиха. Я даже порываюсь ответить, что сегодня не смогу. Приболела, допустим.

Но с другой стороны, если я не захочу, то ничего не будет. Поэтому стоит успокоиться.

Натягиваю свитер и джинсы, сообщаю маме, что иду гулять с Егором, набрасываю куртку и выхожу за ворота. Чёрная тачка Вертинского стоит между моим и его домами. В салоне негромко играет музыка.

Я подхожу и стучусь в стекло пассажирской двери. Егор отпускает замок, я открываю дверцу и сажусь.

Он встречает меня снова тем самым взглядом, которым смотрел утром. И снова молчит, ограничившись лишь коротким «пристегнись», когда снова защёлкивает замки.

Конечно, я пристегнусь, я помню, к кому в машину села.

Но, на удивление, Егор едет не быстро. Потому что бесцельно просто колесит. Он молчит, я тоже. Просто наблюдаю то за тем, как он крутит руль, то за белой полосой дороги, уползающей под чёрный капот. В свете фар видно, что в воздухе серебрится мельчайшее крошево снега. Лёгкое и блестящее. На улице к вечеру стало холоднее, а тут, в машине, тепло и уютно. Вот только тишина напряжённая повисла.

Мы приезжаем к местному озеру, сейчас покрытому льдом и пустынному. В тёплое время года здесь никогда не бывает тихо. Это место гулянок молодёжи. Тут мы встречали рассвет на выпускном, тут отмечали дни рождений или просто веселились, поставив несколько машин по кругу и включив в них музыку.

Но сейчас тут тихо и сумрачно. Не темно, потому что всё вокруг засыпано белым снегом.

Егор останавливает машину носом прямо на покатом пляже, в нескольких метрах от кромки, молча ставит фары на ближний свет и выходит. Я остаюсь одна в машине в растерянности. Наблюдаю через лобовое, как он опирается бёдрами на капот, достаёт пачку сигарет и закуривает. А курит Вертинский очень-очень редко, потому что это всегда сказывается на тренировках, и тогда он получает жуткий нагоняй от своего тренера. А того лучше не злить, уж это знает каждый участник клуба.

Я отстёгиваю ремень безопасности и тоже выхожу. Становлюсь рядом и молчу, глядя на идеальную ледяную гладь озера.

– Ты правда этого хочешь? – спрашивает спустя несколько минут.

– Да.

Он не спрашивает причину, да я уже и назвала её, собственно. У нас так всегда было: мы не допытывались причин. Если одному нужно что-то, значит, нужно, второй не требует отчёта.

– Хорошо, – выпускает сизый дым, который клубится в морозном воздухе как-то по особенному.

Но тут меня вдруг осеняет мысль, которая почему-то до этого момента в голову не приходила. А что если он меня просто не хочет? До отвращения. Чувствует то же, что и я, когда лишь представляю себя с другим парнем в постели? Если я его физически просто не привлекаю?

Я не имею права склонять его в этом случае к тому, что ему может быть неприятно. Да, он любитель пройтись по девкам, но, может, его привлекает какой-то определённый типаж.

– Слушай, Егор, я совсем не подумала. Если тебе неприятно, ну, со мной... В смысле ты не хочешь... Эй!

Вертинский резко набрасывает мне на голову капюшон и натягивает до самого носа.

– Балда, – слышу от него, а потом он обхватывает меня за шею и прижимает к себе. А затем говорит негромко в самое ухо, отчего вызывает толпу мурашек по спине. – Ты себя в зеркало вообще видела, Конфета? Тебя половина универа хочет. А вторая половина – это девки.

– Дурной! – отпихиваю его в плечо, откидывая капюшон и поправляя шапку.

Сама же не знаю, куда глаза деть. Его слова слишком смутили меня.

– Хотя проблема не в зеркале, видимо, а в зрении. Вчера-то ты в него смотрела вечером, но, видать, не рассмотрела.

Вскидываю на Егора глаза, прекрасно понимая, о чём он. О Боже! Чувствую, как сначала вся кровь отливает от лица, а потом резко устремляется обратно, что даже уши будто возгораются.

– Да, стриптиз был зачётный, – нагло подмигивает, видя мой шок. – Я заценил.

– Боже! – теперь повторяю вслух, закрывая лицо ладонями.

– Окна надо закрывать, Юля, – говорит назидательно, – даже если напротив спальня всего лишь друга. Но ты не парься, у тебя всё на месте, стесняться нечего.

На месте-то на месте, только меня от этих слов топит смущением ещё больше. Я же с голой грудью вертелась у зеркала. В одних трусах была. А он всё видел. Сама виновата, что

жалюзи не опустила. Прошляпила! Успокоила себя тем, что темно в его комнате, дома, значит, нет.

Егор смеётся и снова приобнимает за плечи, успокаивая. Я опускаю ладони и смотрю на ледяное озеро, позволяя холодному ветру остудить моё горящее лицо.

– Только всё будет по моему, Юля, – говорит уже серьёзно. – И не сегодня. Да, не сегодня. Сегодня я уж совсем не готова.

Глава 7

Егор

– Когда Шевцов сказал сходить после тренировки в баню, он вряд ли имел ввиду со шлюхами, – говорит Марат и вся компания взрывается смехом.

– Пиздюлей от него и так выгребать, так что часом траханья со штангой больше, часом меньше...

– Да он и сам не паинька был в свои восемнадцать, я от брата наслышан, – кивает Тоха.

Наш тренер по рукопашке тот ещё тиран. Бывший военный, сам по юности самбист, не одни соревы выиграл. Гоняет как проклятых и на групповых, и на индивидуальных. Но мы научились от него скрывать мелкие шалости типа сегодняшней тусы в бане с девками. Ну или он нам это скрывать просто позволяет.

Сегодня была тяжёлая тренировка, завтра тренер дал отдохнуть, а в среду соревнования краевые. Вся неделя забита, пришлось даже в универе договариваться, отпрашиваться, потом надо отрабатывать пропуски. Хорошо, лекторная неделя.

Ну мы и решили отдохнуть. Баню на три часа заказали частную, Беляев девок подогнал. Пива взяли по минимуму, а то и правда на соревнованиях черепахами прославимся.

Марат наливает всем ещё по бокалу, и как раз в комнату входят девушки. Уже переоделись в купальники.

– Э, не-е-е, так не катит, снимайте вы вот эти свои тряпочки, – Гарик Леснов усаживает себе на руки рыжую девчонку и тянет с плеч лямки её купального лифчика.

Рыжуля кокетливо сопротивляется, но, естественно, поддаётся. Зачем ещё она сюда пришла?

Нас четверо, девок тоже. Все симпотные. Смотрю, кто на какую из парней поглядывает. Мне всё равно, я сегодня не хочу. Нет настроения почему-то.

– Мальчики, а вы спортсмены? – стреляет глазами на меня блондинка с короткой стрижкой. – Все четверо?

– Как ты угадала? – подмигивает Илюха, наливая ей в бокал ещё вина.

– У вас бицепсы такие красивые, – подвигается ближе ко мне и ведёт пальцем с длинным оранжевым ногтем по руке, но тут же убирает её, увидев мой взгляд.

Тусовка продвигается как обычно. Парни шутят, девки ржут. Хихикают жеманно, точнее. Но одна точно ржёт. И зубы лошадиные. Но, судя по всему, Илюхе она и нравится.

Девушки не местные, Леснов нашёл их на сайте. С виду просто сайт знакомств, но местные знают, что там снимают блядей. Даже можно пожаловаться модератору, если вдруг плохо отработали. Как по мне, в нашем селе, гордо именуемом городским поселением, можно девок и бесплатно снять, если вкусным бухлом угостить. И посимпотнее будут, хотя, и эти вроде ничего.

Гарик и Марат уходят с двумя девушками в парилку, а Илюха ведёт лошадку в комнату отдыха. Он у нас стеснительный.

Со мной на диване остаётся сидеть самая зажатая. Карина, если не ошибаюсь.

– Ты сегодня без настроения? – спрашивает, поправив на бок слишком длинную чёлку.

По крайней мере она меня не бесит. Ведёт себя нормально, не строит богиню секса.

– Ты очень наблюдательная.

Она замолкает и закусывает губы, не зная, что ещё мне сказать, видит, что я сейчас не склонен к общению.

Можно было бы списать на сложные соревнования, что грядут на неделе, но сам же понимаю, что они тут ни при чём. Это всё Юлька, блин. Придумала себе, чтобы я её первым стал, а мне что делать? Как-то же надо к этому подойти, чтобы не похерить ей этот первый раз. Он же там очень важный для девушек и всё такое.

Я теперь аж заморочился. В интернете даже смотрел, что и как. Позы там какие лучше, чтобы не очень больно было. С целкой мне уже не в первый раз, но это же Конфета. Она мне не чужой человек.

– Может, мне тоже лифчик снять, как девочки? – Карина обращается ко мне, вытаскивая из мыслей.

– Чего? – переспрашиваю, не сразу вникнув в её слова.

– Лифчик, говорю, снять? Ты только не сердись, я просто раньше не ходила вот так с девочками.

Ну да, святая невинность. Пытается подстроиться под клиента, мимикрируя под «я раньше этим не занималась за деньги, ты первый». Ага.

– Не надо, – обрываю её. – Расскажи про свой первый раз, – внезапно прошу.

Карина обескуражено зависает сперва от моего вопроса, но потом пожимает плечами и сама немного расслабляется. Хрен знает, может и правда первый раз на вызове.

– Тебе предстоит с твоей девушкой? – улыбается вполне даже мило.

– Условно, – подробности ей уж точно знать не к чему.

– Ну... – Карина немного подвисает, вспоминая подробности, – это произошло, когда мне только-только исполнилось восемнадцать. Мужчина был старше почти на пятнадцать лет – друг моего отца.

Мне это кажется каким-то ненормальным, что ли. Если друг отца трахает его дочь, то хреновый он друг. Ну или отец совсем debil, чтобы не заметить нездорового интереса к дочке. Если бы дядя Валера, к примеру, друг Юлькиного бати, засмотрелся на Конфету, Николай Николаевич уже бы его с землёй сравнял.

А так он сравнивает меня, блин.

– Больно было?

– Больно вообще-то. Даже очень. Я даже заплакала и попросила остановиться.

– А он не остановился? – охуюваю с рассказа. – Тебя что, изнасиловали?

– Нет! – усмехается девушка. – Конечно нет. Он был нежным и аккуратным, но в ответственный момент проявил твёрдость, а я смалодушничала. Всё равно было бы больно. Не в этот, так в следующий раз. А так всё закончилось быстрее.

Да уж. А что если Юлька тоже разрыдается и попросит остановиться? Надо ли мне будет проявить твёрдость как этот херовый друг отца Карины? Смогу ли?

Блин, я никогда не задумывался, что тыкнуть в тёлку членом может быть такой проблемой.

Карина что-то там ещё рассказывает, но я слушаю вполуха, зарывшись снова в собственные мысли. Ну Юлька, подбросила ты мне проблему.

– Ещё что-то хочешь?

Кажется, Карина закончила свой рассказ, конец которого для меня потерялся. И спрашивает, видимо, не желаю ли я услышать ещё какую-нибудь информацию. Но я не желаю. Информацию уж точно.

– Да, – решаю разгрузить голову привычным способом. – Минет сделай.

Она захлопывает рот и пару раз удивлённо моргает, соображая, что словесная прелюдия окончена и пора работать.

– Хорошо, – отзывается чуть тише, опускается передо мной на колени и приступает к делу.

А я откидываюсь на спинку дивана и запускаю пальцы ей в волосы. Густые, гладкие, цвета тёмного шоколада. Это вызывает ассоциации. Нехорошие. Слишком опасные.

Мне надо научиться тормозить, чтобы однажды эти тормоза не сгорели, когда придётся резко дать по ним.

Глава 8

Юля

Вроде бы только-только закрыли первую сессию, как второй семестр окунул с головой под воду. В школе хоть каникулы были, а тут только в пятницу занятий не было, а с понедельника уже учёба.

Егор на этой неделе не учится, у него важные соревнования. Он в понедельник только утром меня отвёз и сам дела в деканате порешал.

Я забросила сумку в общежитие, не обнаружив девочек уже в комнате, и на пару успела вбежать в аудиторию почти со звонком. Кивнула Наташе и села рядом, проигнорировав Лилю. В выходные я как-то и не думала о ней, а сейчас увидела и всколыхнулись внутри обида и злость.

Преподаватель объясняет монотонно и неинтересно, так что приходится сильно напрягать мозги, чтобы вникнуть и не уснуть. Наташа, сидя между мной и Лилей, пытается держать невозмутимый нейтралитет, но пассивно-агрессивная атака с обеих сторон напрягает её.

На перерыве я ухожу в коридор ответить на мамин звонок, здороваюсь со знакомыми девчонками из другой группы.

– Привет, Юль, а ты Егора не видела? Его сегодня нет на занятиях, – окликает меня девушка из его группы. Рита, кажется.

– Нет, – рявкаю, – я его подруга, а не секретарь.

Рита обиженно поджимает губы и отворачивается. Я тоже отворачиваюсь к окну и медленно выдыхаю через чуть сомкнутые губы. Надоели. Сначала наезжают, типа как посмела кадрить парня, который, видите ли, им нравится. Потом, как поймут характер наших отношений, бесконечные вопросы: а где он? А с кем? Когда приедет? Не в курсе, дома ли он?

Бесят.

Будто я живу для того, чтобы докладывать, где и что сейчас делает Егор Вергинский.

После следующей пары мы спускаемся в кафетерий. Болтаю с Наташей, старательно делая вид, что нас двое, а не трое. Лиля помалкивает. Мне хочется съязвить, что может ей не стоит идти с нами, раз уж мы выяснили цель нашей дружбы, которая с её стороны достигнута. Пусть не так, как она себе представляла, но всё же.

В кафетерии полно народу. Перед раздачей очередь, а любимые мной булочки с розовой глазурью уже заканчиваются. Последнюю передо мной забирает Лиля. Вот стерва, знает, что я их люблю.

Беру пирожок с вишнёвым повидлом и несладкий чай. Я вообще ни кофе, ни чай с сахаром не пью. Только если с бутербродом с маслом и сыром.

Ставим с Наташей всё на один поднос, который я забираю, а она мой рюкзак, и идём к свободному столику, который заняла Лиля. Я бы лучше, как говорят, пешком постояла у подоконника, чем с ней сидеть, но рвать на части Наташу не хочется.

Когда идём к столику, чувствую себя как-то неуютно. Рядом компания парней обсуждает вечеринку на даче, смеются. И мне почему-то кажется, что они смеются именно надо мной. А вдруг это те самые парни? Или кто-то, кому они показали те ужасные фото?

От предположения по коже ползут отвратительные кусачие мурашки. Настроение, и так испорченное присутствием подруги-обманщицы, совсем уж падает до нуля. Я сажусь за столик и начинаю молча есть, пялясь в телефон.

– Кхм, – ко мне придвигается тарелка с розовой булочкой, – Юль...

Поднимаю глаза на Лилю. Вид у неё пришибленный и виноватый, даже жалкий. Никогда её раньше не видела такой.

– Прости меня.

Нет. Мне было слишком больно и обидно.

– Пожалуйста.

– Ты просишь прощения с какой целью? – складываю руки на груди и смотрю на замешкавшуюся Лилю.

– Хочу помириться.

– Мирятся с подругами, а тебе для чего? Чтобы я попросила Вертинского и сама никому не рассказала, что ты ему отсосала в кладовке на вписке?

Жестоко, знаю. Но и мне было больно.

Наташа давится чаем, но молчит. Конечно, я говорю негромко, и кроме нас троих никто этих слов не слышит.

Лиля поджимает губы, а в глазах начинают блестеть слёзы. Мне даже становится стыдно за грубость.

– Извини, Юля, конечно же я дружила с тобой не из-за Верта. – При упоминании Егора, сглатывает. – Он обидел меня, и я была очень расстроена. Сорвалась, наговорила глупостей, только бы не чувствовать боль одной. Ты меня предупредила на его счёт, а я не поверила. Прости, пожалуйста.

Часть меня, обиженная и уязвлённая, желает наругать, но другая часть хочет простить и снова дружить.

Придвигаю тарелку к себе, ломаю булочку пополам и отдаю часть Лиле. Она улыбается, и мы молча уплетаем свой перекус, похихикав с появившегося на лице Наташи облегчения.

Больше случившееся мы не обсуждаем. Вернувшись в общежитие, сильно дружественным разговорам не предаёмся, но общаемся ровно. Я пока не готова совсем отпустить её злые слова, и она это понимает.

* * *

Неделя проходит спокойно. Учёба идёт своим чередом, с девочками у нас тоже всё ровно. Много занимаемся, часто вместе. Я и Наташа ходим на тренировки по волейболу, хоть мой рост совсем не для этой игры. Но тот, кого выберут играть в сборной университета, будет получать повышенную стипендию. Деньги никогда не лишние.

В среду после обеда Егор присылает мне фотографии с соревнований, на последней – он с дипломом первой степени и наградной статуэткой. Я отсылаю кучу смайлов и поздравление, но на этом наше общение заканчивается. Непривычно быстро. Но, видимо, он занят. В программу соревнований входят не только сами поединки. Там ещё мастер-классы, показательные выступления, теоретические занятия. В общем, есть чем заняться.

И следующее сообщение приходит уже утром в пятницу, когда я как раз бегу в деканат по просьбе преподавателя, чтобы поставить печать в ведомости.

«Ты не передумала?»

В животе становится щекотно от этого вопроса.

«Нет»

«Заеду в шесть. Будь готова»

Снова пропадает из сети. Я убираю телефон в карман и делаю глубокий вдох. По телу бежит мелкая дрожь, вызывая в кончиках пальцев покалывание.

Всё нормально. Я сама просила. Я готова.

– Пока, девочки, – машу Лиле с Наташей, закидываю рюкзак за плечо и выхожу за дверь.

Пять минут назад Вертинский сбросил сообщение, что уже подъехал к общежитию. Я уже была собрана, так что набросить куртку, натянуть сапоги да взять рюкзак много времени не заняло.

Сколько раз бы я себе не сказала, что всё в порядке, я всё равно не смогу перестать нервничать. Особенно сейчас, в момент, когда выхожу в холл и иду через пропускной к выходу. От щекотки, завязавшей живот в узел, ноги становятся ватными, а язык присыхает к нёбу.

Всё в порядке, Юля, это произойдёт с человеком, которому ты доверяешь больше всех.

Однако, сколько бы я себе не повторяла эту мантру, мурашки всё равно никуда не деваются.

Только выхожу из парадного входа, чуть дальше моргает фарами знакомая машина. Непроизвольно задерживаю дыхание, когда открываю пассажирскую дверь и сажусь.

– Привет, – нейтрально говорит Егор, забирает мой рюкзак и забрасывает на заднее сиденье.

– Привет, – отвечаю в тон.

– Приветик, я Алина, – неожиданно слышу с заднего сиденья.

– Юля.

– Мама попросила подвезти дочь её подруги, – объясняет Вертинский, заводя мотор, пока я пристёгиваюсь.

Ну мне-то что, Алина так Алина, подвезти так подвезти. Просто не ожидала, что мы в машине будем не одни. Я слишком напряжена, а эта Алина оказывается слишком активной какой-то. Постоянно болтает. Уже через десять минут мне становится известно, что она учится в пединституте, занимается латинскими танцами, любит готовить фунчозу и боится шмелей. И всегда мечтала о прямых волосах как у меня, а то у неё кудрявые.

Егор отмазался тем, что он за рулём, и ему нельзя отвлекаться от дороги на болтовню. А вот моим ушам и мозгу едва не приходит конец. Где бы взять парочку шмелей?

Но она вдруг притихает, и в зеркало я замечаю её расширенные глаза. А всё потому, что мы выехали на федеральную трассу за город, и Вертинский прибавил газу. Меня-то этим не удивишь, а вот Алина кажется испуганной.

– Мне нужно сначала домой, – сообщаю Егору, когда он сворачивает на нашу улицу.

– Хорошо, – кивает. – Я пока Алину отвезу.

Он высаживает меня у моего дома, а сам уезжает. Захожу домой, здороваюсь с мамой, у неё сейчас клиентка, и она занята. Мама кроме основной работы подрабатывает ещё мастером маникюра. Папа неоднократно предлагал ей бросить, нам и так вполне достаточно той финансовой базы, что есть. Но ей, видимо, просто нравится. Творчество.

Я поднимаюсь к себе, разбираю сумку из общежития и раздеваюсь. На всякий случай проверяю, опущены ли жалюзи и заперта ли дверь. Оставшись в одном белье, рассматриваю себя в зеркало. Интересно, когда я стану женщиной, это как-то отобразится на моём внешнем виде? Логика подсказывает, что нет, но я как-то читала в интернете, что начало половой жизни влечёт за собой гормональные изменения, может грудь увеличиться и бедра стать шире. Так это или нет – увидим.

Я подкалываю волосы повыше и иду в душ. Купаюсь, привожу себя в порядок, старательно игнорируя настойчивую тревожную пульсацию в голове. Когда скольжу ладонями по телу, вдруг задумываюсь, представляя.

Он будет так же трогать меня? Ласкать? Мне будет приятно или я не смогу расслабиться от смущения и страха?

После душа зависаю над ящиком с бельём. Что выбрать? Насколько это важно? Придаёт ли Егор вообще этому значение?

Помаявшись минут десять, в итоге выбираю светло-голубой комплект, гладкий, без кружев и принта. Надеваю синее платье, которое выбирала вместе с Егором. Точнее я ему демон-

стрировала, а он корчился в муках ожидания, потому что протерпел и пришлось идти со мной на шопинг. Платье короткое, чуть выше колен, свободного кроя, а сзади молния. Вроде бы простое, но мне идёт.

Натягиваю колготки, волосы оставляю распущенными. И вдруг замираю, теряя последние капли решимости. Страшно, если честно.

– Может, я зря вообще всё это затеяла?

Но едва проскальзывает эта мысль, приходит сообщение от Вертинского.

«Я дома»

Что ж. Иду.

– Дочь, ты куда? – интересуется мама, когда спускаюсь в гостиную.

– Гулять. Я к Егору.

– Дома будете или куда-то поедете?

– Дома. Кино посмотрим. – Мама скользит удивленно по моему платью, зная, что обычно смотреть кино к Вертинскому я иду в спортивных штанах и футболке. – А может и поедем куда. Я позвоню.

– Ладно. Привет передавай.

– Хорошо.

Мама целует меня в щёку, я набрасываю куртку и выхожу. Глубоко вдохнув морозный свежий воздух, направляюсь к соседской калитке на заднем дворе.

В дом Вертинских не звоню, вряд ли мама Егора сейчас дома. Нажимаю ручку и открываю. Не заперто. В гостиной Егора не вижу, поэтому поднимаюсь на второй этаж к его комнате.

Вертинский сидит на кровати, сложив ноги по-турецки. На коленях ноут, в ушах наушники. Играет, кажется.

Я же замираю в дверях, подперев плечом косяк.

Через несколько секунд Егор поднимает на меня глаза – почувствовал, что не один. Он стаскивает наушники и откладывает ноутбук в сторону.

– Не был уверен, что ты всё же придёшь, – говорит, внимательно глядя.

– Думал, испугаюсь? – отлепляюсь от косяка и прохожу в комнату, однако подойти к кровати и сесть не решаюсь.

– Возможно.

– Но я пришла.

– Вижу.

Я отхожу к окну, боковым зрением отмечая, что Егор встал с кровати и подошёл ко мне, остановившись в метре за спиной.

Я смотрю на заснеженную улицу. Из его окна видно мой двор и бок дома, окно моей комнаты, сейчас плотно зашторено. Как представляю, что Егор в подробностях наблюдал, как я разделась и рассматривала себя в зеркало, так гореть всё начинается.

Вот и сейчас становится жарко. Будто кто-то поднёс сзади горящий факел. Я чувствую его взгляд кожей, и однозначно раньше такой реакции не было.

– Расскажи мне о сексе.

Глава 9

– Что именно ты хочешь знать?

– Одни говорят, что секс должен быть только по сильному душевному порыву, что без чувств это унижение себя, это неприятно. Другие, что это просто физиология, и чувства мало-значимы, – говорю негромко, рассматривая точечный узор, которым коснулся стекла мороз. – Но вот у тебя же он был с разными девушками. Вряд ли ты был влюблён в каждую.

– Конечно, нет, – Егор мягко посмеивается. – Секс бывает разным. Зависит от того, с кем им занимаешься.

Мы сотни раз были вдвоём в его спальне или в моей. Не раз обсуждали пикантные темы. Но сейчас мне кажется, я даже дышать свободно не способна. Мышцы плеч и спины настолько напряжены, что аж больно. Я вздрагиваю, ощутив, с каким трудом воздух входит в грудную клетку, когда чувствую лёгкие прикосновения к своим кистям.

Егор прикасается кончиками пальцев к тыльной стороне моих ладоней и медленно, едва ощутимо ведёт вверх, вызывая на коже бесконечное количество мурашек. Я замолкаю и прикрываю глаза, умоляя себя попытаться расслабиться.

Это же Егор.

И я сама его попросила.

Он добирается до плеч и убирает руки, а через пару секунд тянет вниз бегунок молнии платья на спине.

Делаю глубокий вдох и плавный выдох. Назад дороги нет.

– Выключишь свет? – оборачиваюсь.

Горит и так только лампа над столом, но я хочу, чтобы было темно. Я смотрю Егору в глаза и вижу совсем непривычный мне взгляд. Блестящий, словно пеленой затянутый.

– Нет, я хочу тебя видеть.

Отказ удивляет меня, но я ведь обещала, что всё будет, как он скажет.

Егор берёт меня за руку и ведёт за собой к дивану, двигается спиной, внимательно глядя в моё лицо. Не спешит, наверное, даёт возможность ещё отступить.

И, честно говоря, я к этому близка. Потому что слишком волнительно, но и вместе с тем интересно.

Он садится на диван и тянет меня к себе на колени. Я ставлю одно колено рядом с его бедром, а потом сажусь лицом к Егору. Мне не впервой сидеть у него на коленях, бывало, если компанией к озеру на чьей-то машине ездили, а места мало было. Но не в такой позе, конечно.

Вертинский кажется спокойным, но я слышу, что его дыхание тоже учащается.

Мы смотрим друг другу в глаза, пока он аккуратно стаскивает широкие бретели моего платья сначала с одного плеча, потом с другого. Делает всё медленно, с выжиданием. Только чего? Моей активности?

Я наклоняюсь и делаю то, что сейчас подсказывает внутренний голос – целую его. Егор на секунду замирает, а потом отвечает мне. Кладёт одну ладонь на шею, чуть придержав затылок, и уверенно углубляет поцелуй. Внутри затягивается узел, когда я чувствую вкус его языка. И вообще всё становится каким-то другим, кажется, даже воздух в комнате вокруг нас густеет.

Теперь я понимаю, почему девушки ложатся штабелями перед Вертинским. Когда он к тебе прикасается, то будто окутывает каким-то парализующим электричеством. Попадаешь в магнитное поле, а потом хочешь ещё.

Он отрывается от моих губ, а мне хочется ещё. Сладко и волнующе.

Я тянусь к нему снова, и Егор подаётся навстречу. Только этот поцелуй уже отличается. Он не такой мягкий. Всё намного острее и жёстче, я знакомлюсь с чем-то, чего в нём не знала. Мужское. Доминирующее. Такого раньше между нами не было.

Мы продолжаем целоваться, разжигая друг в друге внутренний огонь. Не знаю, как у Егора, а у меня точно всё начинает пылать внутри. Ощущение чего-то запретного кружит голову, заставляя сердце то и дело замирать, то гнать кровь по венам быстрее и быстрее.

Его ладони, пока губы заняты, медленно ползут вверх по моим бёдрам, пробираются под платье и сжимают немного ягодицы. Я чувствую, что в трусиках становится влажно, и данный факт кажется... неудобным. Особенно, когда пальцы Егора, оглаживая меня, касаются белья.

Я напрягаюсь и немного ёрзаю, когда он чуть сдвигает трусики и касается там. Поцелуй прерывается, и я вижу едва заметную улыбку на его припухших губах.

– Мокрая уже, – говорит негромко, и я замечаю, как слегка кусает изнутри нижнюю губу.

– Это плохо? – не нахожусь, что ещё сказать в ответ.

– Дурная? – улыбается шире, а глаза отдают блеском сильнее. – Это замечательно.

Тоже улыбаюсь, но куда более смущённо, чем Вертинский. А он встаёт, подхватив меня под бёдра и несёт к кровати.

Задыхаюсь от ощущений внутри, от предвкушения. А ещё от страха перед неизвестным. Кусаю нижнюю губу, сжимая и разжимая немеющие пальцы, пока Егор стаскивает с меня платье, а потом и лифчик сразу, не давая даже подготовиться морально. Нависает сверху. Рефлекторно поднимаю руки, пытаюсь прикрыться, но получаю мягкий укор в тёмном взгляде и, сжав снова пальцы в кулаки, опускаю их вниз.

А Егор смотрит. Так внимательно и откровенно пожирает взглядом моё тело. Ему однозначно нравится. Это немного расслабляет меня, напоминая, что я девственница, а не статуя. Поэтому я кладу ладони ему на плечи и веду ими вниз по груди до самого края футболки, подцепляю её и тяну вверх, помогая освободиться.

Я и раньше видела Вертинского полуобнажённым, но того, что сейчас, не ощущала.

Возбуждение.

Даже неопытный в сексе человек прекрасно понимает, что оно собой представляет.

Егор ложится на меня, и мы продолжаем целоваться. Чувствовать его вес на себе приятно. Кожа к коже.

Мозг затуманен, но я вспоминаю, что должна уточнить. Это важно.

– У тебя есть презерватив? – смотрю на него, когда отрывается от моих губ.

– Есть. Не волнуйся.

На этот счёт я успокаиваюсь, но совсем не волноваться не получается. Вертинский спускается поцелуями мне за ухо и на шею, ведёт языком к ключицам и плечам. Плавлюсь от этих ласк, я и не знала, что моё тело может быть таким чувствительным.

Егор тоже возбуждён, он хочет меня, и это приятно осознавать. Бедром я чувствую его твёрдый член. Это добавляет острых ощущений. Пугает и будоражит одновременно.

– Ты такая сладкая, Конфета, – говорит негромко, спускаясь поцелуями к груди. – Оду- реть. Всю хочу облизать.

Я лежу под ним обнажённая, казалось бы, куда ещё откровеннее, но от этих слов начинают пылать щёки.

Но я как-то и не смекнула, что говорит он в прямом смысле. Целует грудь, облизывает её, посасывает. Это вызывает во мне много ощущений. Смущение фоном, оно никуда не девается, но ещё меня кружит и от других. Дыхание становится настолько тяжёлым, что уже похоже на тихие стоны. Я откидываю голову назад и прикрываю рот рукой, чтобы приглушить их. Но когда Егор спускается вниз, прокладывая влажную дорожку языком к самому пупку, а потом ещё ниже, я резко приподнимаюсь.

– Егор, не надо, – говорю хриловато.

Голос дрожит, тело тоже. Особенно когда вижу картину, как его лицо уже почти между моих разведённых ног.

– Что не надо? – поднимает глаза в удивлении.

– Ну... то, что ты там собрался делать, – лицо пылает ярким пламенем, и я немного склоняю колени друг к другу.

– Юля, ляг и успокойся, ладно? – отвечает строго.

Это как «за рулём буду я, видишь, тут дорога ухабистая» или «беги домой, с соседом за разбитое окно я сам разберусь», но только секс.

«Делай как говорю, и всё будет хорошо»

Я привыкла доверять ему. Почему сейчас не должна?

Снова откидываюсь на спину и сжимаю в кулаках покрывало, когда Егор тянет вниз мои трусики.

Я обнажена. Теперь он может видеть меня всю.

Егор устраивается между моих ног и прикасается губами прямо там, вызывая волну невероятного тепла по телу.

То, что он там делает, заставляет меня выгибаться и стонать уже громко. Стыдно от собственного голоса, но прикушенной ладонью его больше не заглушить.

Егор снова нависает надо мной, заставляя в который раз смутиться, когда таким простым, недемонстративным движением облизывает губы. На них же... моя влажность.

Ложится на бок рядом, смотрит в глаза. Наверное, надо бы что-то сказать, но я понятия не имею, о чём можно говорить во время секса.

– Готова? – приглушённый вопрос почему-то застаёт врасплох.

Я никогда не давала заднюю. Менять свои решения – удел слабых и влияние страха. Поэтому киваю, хотя в груди всё замирает.

– Хорошо, – отвечает лёгкой улыбкой.

Из-под полуопущенных ресниц наблюдаю, как Егор достаёт из тумбочки блестящий квадратик, вскрывает его, оторвав уголок зубами, и достаёт колечко презерватива. Раскатывает его по члену, но я на это уже не смотрю. Закусываю губы в напряжённом ожидании.

Когда он заканчивает, я резко вдыхаю и вытягиваюсь на кровати.

– Юль, ты чего? – спрашивает ласково и кладёт мне ладонь между ног. – Всё нормально будет.

Знаю, что будет.

Сначала он пробует меня пальцами. Я прислушиваюсь к непривычным ощущениям, одновременно пытаюсь расслабиться. Аккуратные движения сначала очень плавные, потом чуть более ритмичные. Ощущения странные, но не неприятные.

– Успокоилась? – Вертинский склоняется и снова целует.

– Немного.

– Умница.

Как-то незаметно он уже оказывается на мне. Раздвигает коленями шире мои бёдра, устраиваясь между ними. И начинает двигаться. Медленно и мягко скользит членом, вызывая приятные нарастающие ощущения. И целует. Глубоко, страстно, сладко.

Я увлекаюсь настолько, что расслабляюсь и обмякаю, как вдруг резкий толчок внутрь приводит меня в чувство.

Больно же как!

Я подаюсь вперёд, но впечатываюсь в сильную грудь, и Егор прижимает меня собой к постели, потом снова толкается, а потом ещё и ещё.

– Чёрт! – срывается ругательство.

Он останавливается и даёт отдышаться. Переплетает наши пальцы на руке, целует в шею.

– Юль, – тихо зовёт, – сильно больно?

– Угу, – пытаюсь не ёрзать под ним.

– Злишься?

– Нет, конечно, – сквозь выступившие слёзы пробивается смешок. – Так же будет не всегда?

– Конечно, нет, – возвращает мне ответ.

– Почему ты остановился?

– Сейчас продолжим, – он склоняется и легонько кусает меня за мочку уха. Боль стихает, но переполненность внутри до сильного дискомфорта. – Чуть разведи ноги, ты напрягаешься и сильно меня сжимаешь. И себе так усугубляешь.

Пробую расслабиться, но выходит так себе. Особенно, когда Егор просовывает руку мне под поясницу, спускает ладонь на ягодицу и чуть вжимает в себя. Начинает двигать бёдрами плавно и понемногу, словно раскачивая нас. С каждым толчком я принимаю его всё легче. Дышать тоже получается свободнее. На смену боли и сильному дискомфорту приходят другие ощущения: неяркие волны приятного тепла, которое становится всё ощутимее.

Одной ладонью Егор скользит по моему бедру, потом просовывает её между нами и вторит там внизу своим движениям. Уже через несколько таких манипуляций меня начинает сильно затягивать в жар. Раз-два-три. Вергинский дышит рвано, у меня внутри тоже затягивается узел. И вдруг от его ладони, затрагивая бёдра и весь низ живота, разливается горячая волна удовольствия, выбивая из моей груди низкий тягучий стон.

Спазм такой сильный, что пальцы на руках и ногах немеют. Егор же сильно вжимается в меня, резко выдыхает и замирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.